

Грач Л.И. доктор исторических наук, профессор, Председатель Всеукраинского движения «Наследники Богдана Хмельницкого»

ИДЕЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одна из важнейших заслуг Александра Сергеевича Панарина состоит в том, что ему удалось убедительно показать, что мы живём в истории и являемся непосредственными участниками политического процесса. Соответственно, наши действия независимо от нашей воли включены в глобальные процессы, и для того, чтобы достичь поставленных целей, это необходимо учитывать. Наши ценности и политические идеи являются результатом исторического процесса и фактором его развития. Поэтому отказ от сложившейся в нашей культуре системы ценностей и замена её на иную, заимствованную, является отказом от собственной истории и идентичности.

Оценивая с этой точки внешнеполитическую стратегию государств ЕЭП, – Белоруссии, Казахстана, России и Украины, – нельзя не обратить внимание на то, что она у всех этих государств (за исключением Белоруссии) направлена на присоединением к интеграционным процессам, инициированным и идущим в иных цивилизационных системах, с иными приоритетами и ценностными ориентациями. При этом речь идёт не об обогащении иной культуры собственными достижениями, а о некритическом принятии чужого, являющегося результатом иного исторического опыта и иных условий социальной жизни. Те же идеи, которые определяли на протяжении последних столетиях процесс исторического развития у наших народов, оказываются невостребованными. В первую очередь это относится к идее политического единства восточнославянских народов.

Идея союза восточнославянских государств, – Белоруссии, Украины и России, является значимым фактором развития общественного сознания и популярным внешнеполитическим проектом во всех перечисленных странах. Предполагается, что к такому союзу могли бы присоединиться другие республики бывшего СССР (в первую очередь, Казахстан) и даже южнославянские государства (Сербия и Черногория). Но, несмотря на свою популярность, данный проект не просто далёк от реализации, – его осуществление с каждым годом становится всё более проблематичным. Причина этого в сознательном противодействии данному проекту со стороны правящих группировок Украины, стратегия которых менялась от имитации активности по восстановлению разрушенного единства до дискредитации самой идеи объединения, а теперь и до полного его игнорирования. Представители власти и обслуживающие их эксперты делают вид, будто наши государства должны думать исключительно о взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Вопрос о достижении политического единства вообще не рассматривается.

В связи с этим исключительную важность представляют следующие три вопроса:

В какой степени идея единства является важной для наших народов?

Могут ли они от нее отказаться, ограничившись иными внешнеполитическими проектами?

Может ли она быть реализована в ближайшем будущем, или существуют какие-то непреодолимые препятствия для этого?

Размышляя об идее единства восточнославянских народов, замечаешь, что она плохо сформулирована и обоснована. Это, правда, объясняется объективными причинами. До недавнего времени казалось невозможным само обособление наших народов друг от друга на уровне государственной идеологии и политики. Поэтому более важным представлялось определить общие задачи наших народов, а не обосновывать необходимость их объединения, казавшуюся вполне очевидной. Выступавшие против единства наших народов были в столь ничтожном меньшинстве, а их общественное влияние было столь незначительным, что специально спорить с ними не имело никакого практического смысла. В период развала СССР данная инерция некоторое время сохранялась, поскольку его организаторы и идеологи говорили не об уничтожении союзного государства, а о поиске новых, более демократических форм. После же того, как распад СССР стал свершившимся фактом, началась масштабная дискредитация самой идеи единства, сопровождавшаяся нелепыми измышлениями и циничными искажениями исторической действительности. Не привыкшие к подобным методам ведения пропаганды, мы на первых порах пытались всерьёз опровергать и разоблачать эти нагромождения лжи и подтасовок, не замечая, что с нами никто не собирается спорить. Мы никак не могли понять, что наши оппоненты вовсе не заинтересованы в установлении истины, и реализация внешнеполитического курса, отвечающего государственным интересам, вовсе не входит в их намерения. Только относительно недавно мы осознали, что нам надо, не реагируя на пропаганду противников идеи единства восточнославянских народов, искать собственные пути её утверждения в общественном сознании. К со-

жалению, эту работу во многом приходится начинать сначала.

В первую очередь необходимо понять, что является основанием нашего единства, почему мы не можем смириться с утверждением о том, что наши народы должны теперь развиваться обособленно.

К несчастью, в поиске основы нашего единства совершается немало ошибок, которые иногда имеют более тяжёлые последствия, чем прямая клевета противников. Нельзя считать основой единства этническую близость. В Украине и в России проживает множество народностей и этнических групп, и попытка разделить украинские и российское общество по этническому признаку, и тем более сделать такое разделение основной для внешнеполитического проекта, может привести к катастрофе. Более того, этнический национализм враждебен идее единства наших народов, он выступает за дальнейшее разделение и обособление, фактически отвергая даже равноправное существование разных этносов в рамках одного государства. Всякое заигрывание с этой идеологией может нанести идее единства громадный вред. Хотя этническая близость друг другу большинства жителей наших государств способна облегчить сам процесс объединения, сама по себе она не является аргументом в его пользу.

Также было бы неэффективно искать для единства наших народов обоснования в религиозной общности. Сейчас трудно оценить действительную роль религиозного фактора в формировании общественного сознания. Кроме того, в наших государствах проживает значительное число людей, не являющихся адептами Православия. Значимость православного миро-созерцания для формирования представлений о близости народов восточнославянских государств чрезвычайно велика. Но она проявляется не в наличии общих религиозных или метафизических идей, а в существовании общих мировоззренческих принципов, определяющих ценностные ориентации наших народов и их отношение к окружающему миру.

Как верно отметил Александр Сергеевич Панарин, благодаря христианской традиции в нашем историческом сознании возникла вера в то, что «сильные и гордые рано или поздно будут наказаны, униженные – наследуют землю». Это заставляло наши народы выступать на стороне подавляемых военно-политической или экономической мощью других государств. О важности этой установки для массового сознания наших народов говорит то, что всякий отказ от её реализации, совершаемый время от времени правящей элитой, приводил к глубокому идейному кризису, утрате национальной идеи, общественной деградации, а в конечном счёте, к смене социально-политического строя. При этом сами народы восточнославянских государств обладают достаточными ресурсами для создания собственных машин для подавления иных народов и культур. Но эта идея глубоко чужда их природе, она никогда не имела большого числа сторонников и никогда не рассматривалась в качестве возможного общенационального проекта.

Идея помощи угнетённым и вера в их конечную победу в советский период были утверждены на государственном уровне. Не секрет, что восточнославянские народы играли в советском государстве ведущую роль. Это было связано с тем, что именно они в наибольшей степени являлись носителями идеологических принципов, положенных в основу советского государства. Такая роль восточнославянских народов была обусловлена особенностями их исторического развития.

В течение последних ста лет претензии на мировое господство предъявляет евроатлантическая цивилизация. Сейчас эти претензии близки к осуществлению, а сама евроатлантическая цивилизация (во многом против воли народов её составляющих) превратилась в силу, угнетающую и подавляющую большинство других народов Земли. Особенностью восточнославянских народов является то, что они, имея с ней общие культурные и исторические корни, сформировали собственную цивилизационную общность с иными нормами и ценностными установками. При этом наследие античной культуры и христианской традиции, ставшие источником формирования евроатлантической цивилизации, были усвоены и восточнославянскими народами. Но они были восприняты ими под иным углом зрения и выделены в них были принципиально иные моменты. Это объединяет восточнославянские народы с народами центрально-европейской и романской цивилизационных общностей. Но последние в силу тех специфических взаимоотношений, которые складывались у них между государственной властью, Церковью и обществом, в наибольшей степени озабочены сохранением собственных особенностей или к утверждению собственного доминирования в мире. Это заставляет их колебаться между идеями союза с восточнославянскими народами и альянса с евроатлантической цивилизацией. Но в последние десятилетия становится всё более очевидно, что евроатлантическая цивилизация на пути к мировому господству не нуждается ни в союзниках, ни в независимых партнёрах. Поэтому,

если народы Центральной и Южной Европы сделают выбор в пользу самосохранения и самостоятельного развития, их союз с восточнославянской цивилизацией станет неизбежным.

Народам, усвоившим нормы и ценности восточнославянской цивилизации, свойственен мессианский порыв, стремление преобразовать и обустроить жизнь всего человечества, но не для собственной выгоды, а ради утверждения идеалов добра и справедливости. Этот порыв был выделен ими и в марксизме, который в форме марксистско-ленинской идеологии является учением о способе претворения в жизнь этих идеалов.

Мессианский порыв марксизма-ленинизма, несомненно, связан с православной традицией, усвоенной нашими народами от Византии, практически весь период своего существования рассматривавшей себя в качестве светоча всему остальному миру. Связь с Византийской традицией объединяет наши народы с народами Балканского полуострова, в первую очередь с южными славянами. Трагические события их истории не позволили им в полной мере сформировать и развить мессианский порыв, играющий столь важную роль в жизни восточнославянских народов. Однако осознание нашей общности и понимание её характера является чрезвычайно важным для нашей национальной идентичности, что ещё раз проявилось относительно недавно, во время войны, развязанной странами НАТО против Югославии.

Сохранить собственную идентичность и утверждать её в условиях современного мира, развивать собственную культуру и распространять её среди других народов, создавать и осваивать достижения технологии и науки наши народы могут, только являясь организаторами и участниками проекта, имеющего мессианское, общемировое значение. Это - наша судьба, наша гордость, наша сила и одновременно наше наказание и слабость. Но по-другому существовать мы не можем. Всякий отказ от такого проекта, совершаемый в собственных интересах правящим классом, приводит к глубокому общественному кризису, ставящему вопрос о сохранении нашими народами культуры и идентичности. При наличии мессианского проекта становится неизбежным объединение наших народов, а также тех народов, которые в наибольшей степени усвоили восточнославянскую культуру, произведя синтез её элементов с элементами собственной традиционной культуры, – прежде всего, народов Казахстана, Киргизии и Молдавии. В его отсутствие – наши народы из единомышленников, объединённых общим миропониманием, превращаются, в лучшем случае, в близких по духу партнёров. При этом с потерей национальной идентичности партнёрские отношения всё больше и больше превращаются в конкурентную борьбу.

Современная ситуация, несмотря на всю её сложность, предоставляет нам возможности, которых мы не обладали ранее.

Давление евро-атлантической цивилизации ставит все народы, стремящиеся сохранить свою идентичность, перед необходимостью сопротивления. Поэтому само сохранение культурной, собственного мировосприятия идентичности превращается в проект общемирового масштаба, который может объединить восточнославянские и близкие к ним по мировоззрению народы. Не случайно, все попытки достичь единства хотя бы на базовом уровне наталкиваются на открытое противодействие США и их союзников, а Белоруссия, – страна, в наибольшей степени сохранившая восточнославянскую культурную идентичность, является наиболее последовательным сторонником объединения. Но нельзя себя обманывать: борьба за собственную культурную идентичность неизбежно превратится в борьбу против доминирования евро-атлантической цивилизации. Само стремление сохранить собственные ценности и мировоззренческие принципы, ставящие наши народы перед необходимостью объединения, делает их участниками проекта, имеющего общемировое освободительное значение. Проекта, в котором нашим народам вновь будет отведена ведущая роль.

Было бы ошибкой ожидать, что реальные объединительные процессы будут инициированы и поддержаны нынешним правящим классом. В лучшем случае мы можем надеяться, что он смирится с ними, если открытое противостояние будет казаться слишком рискованным. Интеграция может стать только результатом действий сил, отстаивающих интересы больших социальных групп или общества в целом. Но было бы просчётом и отложить объединительные действия до лучших времён, сосредоточившись на борьбе с национальным правящим классом. Действия по восстановлению единства наших народов, по сохранению их системы ценностей и культурной идентичности, являются неотъемлемой частью нашей борьбы. Отказываться от них – значит заранее обрекать себя на поражение. Действовать надо сейчас, учитывая социально-политическую обстановку, ход политической борьбы и действительные цели противостоящих друг другу сил.

Расстановка сил внутри правящего класса сейчас позволяет нам надеяться на то, что он не сможет оказать серьёзного сопротивления процессам интеграции. Правящий класс

Украины и России раскол. Это, с одной стороны, угрожает масштабным общественным расколом, с другой, – позволяет прогрессивным силам создать собственные механизмы давления на власть. Взаимные противоречия внутри нынешнего правящего класса были заложены ещё на этапе его формирования. Одна его часть непосредственно связана с мировыми элитами, которые, как убедительно показал А.С. Панарин, являются продолжателями идеологии, возникшей в протестантстве. Эти элиты, по словам Александра Сергеевича, находятся в оппозиции «по отношению к цивилизованной истории человечества, к социальным институтам, достижениям морали и культуры» и ориентированы исключительно на собственное благополучие. Соответственно, для примыкающей к ним части национального правящего класса представляется вредной реализация любых проектов, не ведущих к однозначному увеличению их политического или экономического могущества. Но у национального правящего класса есть и другая часть, для которой мировые элиты представляют не меньшую угрозу, чем и для всего остального общества. Эта часть правящего класса связана с теми отраслями отечественной экономики, функционирование которых не совпадает с интересами мировых элит. Такие отрасли, несомненно, будут уничтожены, как только мировые элиты установят окончательный контроль над экономическим и политическим пространством наших стран. Более того, многие из них либо уже уничтожены, либо разрушаются сейчас, на наших глазах. Связанная с такими отраслями часть правящего класса несколько лет назад начала утрачивать иллюзии относительно стратегии мировых элит. Ранее большей части её представителей оказалось, что мировые элиты из гуманных соображений не будут разрушать хотя бы основы отечественной промышленности, лишая наши страны перспективы развития и обрекая большую часть нашего общества на нищету. Сейчас им становится ясно, что гуманными соображениями мировые элиты не руководствуются (несмотря на собственные многочисленные декларации).

Не следует питать иллюзии: та часть правящего класса, которая потенциально может выступить против политики мировых элит, намерена защищать не интересы общества, не нашу культурную идентичность, а исключительно собственные позиции. Хотя на уровне идеологии, представляющую собой, как известно, иллюзию социальной группы о самой себе, они могут утверждать, что действуют, исходя из патриотических соображений. Важно то, что их действия будут совпадать с интересами наших народов и способствовать сохранению наших культурных, духовных и технологических соображений.

В этой связи встаёт важный вопрос, как заставить эту часть правящего класса действовать. Она боится, продолжая вопреки очевидности надеяться, что её удастся отстоять свои интересы, не подвергая себя риску политической борьбы. Мы не сумеем доказать её представителям, что это принципиально невозможно, – они будут до последнего рассчитывать на чудо. Но мы можем втянуть их в политическую деятельность на стороне общества. Это, скорее всего, не удастся сделать в вопросах внутренней политики, но они могут стать участниками объединительных внешнеполитических проектов, особенно, если будут усматривать в них непосредственную экономическую выгоду.

В нынешней ситуации становится возможным определить, какие именно проекты и подходы будут действительно способствовать развитию наших народов. Не секрет, что часто внешнеэкономические проекты (в том числе и те, которые поддерживались прогрессивными силами) приводили лишь к обогащению отдельных группировок правящего класса, никак не сказываясь на благосостоянии общества в целом.

Интересы общественного развития требуют реализации внешнеэкономических проектов, прежде всего, в тех сферах национальной экономики, которые не представляют интереса для мировых элит и примыкающей к ним части правящего класса.

Объединёнными усилиями наших народов ещё можно спасти от полного уничтожения отечественное машиностроение, электронику, авиационную промышленность. Они имеют для наших народов не только экономическое, но и духовное значение. Их сохранение представляет огромную важность для культурной идентичности наших народов.

Вообще, пора открыто заявить, что далеко не все экономические проекты, реализуемые нашими народами должны быть выгодны с экономической точки зрения. В наших действиях обязательно должен быть сделан упор на солидарность и альтруизм, на сохранение исторических достижений и образа жизни наших народов.

Достижение политического единства между нашими странами на государственном уровне пока кажется недостижимым. Правящий класс будет активно противиться этому, опасаясь, что после политического объединения наших народов, он не сможет контролировать возросшие ресурсы общества. Но на региональном уровне мы многое можем сделать уже сейчас.

Укрепление связей между регионами Украины и России, строительство ими системы отношений с областями Белоруссии способно оказать большое влияние на общественное сознание. Важно только, чтобы эти связи не ограничивались экономической сферой, а охватывали все стороны общественной жизни.

Развитие системы региональных связей между регионами Украины и России требует наличия своего рода плацдарма, такого региона, который был бы в наибольшей степени свободен от контроля со стороны правящего класса, а общественное сознание которого было бы подготовлено к реализации идеи восточнославянского единства. Таким регионом, на мой взгляд, может стать Крым в случае приход к власти здесь блока прогрессивных сил. Конституция Крыма позволяет ему эффективно отстаивать свои экономические и политические права, а общественные настроения исключают даже самую возможность успешных манипуляций со стороны правящего класса Украины. В этой связи мне кажется глубоко символичным то, что в Крыму сейчас, в преддверии избирательной кампании проходят панаринские чтения. Сохранение культурной идентичности и системы ценностей наших народов, сформированной на основе Православия, к которому приложил огромные усилия Александр Сергеевич, во многом зависит от того, станет ли Крым плацдармом для осуществления идеи восточнославянского единства.

Кара-Мурза С.Г. доктор наук, профессор

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА НАШЕГО КРИЗИСА: ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Большинство стран, образовавшихся после развала СССР, переживают глубокий и длительный кризис. К их числу относятся и РФ с Украиной. Новый виток этого кризиса связан с «оранжевыми» революциями или угрозой их проведения. Важно понять суть этого кризиса, его генезис.

Принято говорить, что «оранжевые» революции – продукт постмодерна. Что это значит? Революции эпохи модерна – как буржуазные, так и антибуржуазные вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало»¹.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти, но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иных МИ ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р.Шайхутдинов пишет о том, что происходило на Майдане и на что с остолбенением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очарование спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим – не признающим её – народом!»

Таким образом, «оранжевые» революции отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплавивающий ресурс *этничности*, то есть ощущения принадлежности к особому этносу, особому народу. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплавивали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и приглушали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых

¹ О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность // Независимая газета. – 13. 05. 2005.